

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 25

1978

МОСТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЭТОВ ПАЛЕСТИНЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

МОСТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ ПАЛЕСТИНЫ

Перевод с арабского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1978

В предлагаемый читателю сборник вошли образцы поэтического творчества шести современных арабских поэтов Палестины. Эти поэты живут и пишут в трудных условиях — в эмиграции, на оккупированных территориях, в Израиле. На их поэзию наложила суровый отпечаток длящаяся десятилетиями трагедия палестинских арабов — изгнанников и мучеников. И вместе с тем стихи эти полны мужественной, оптимистической веры в конечную победу справедливого дела, в торжество мира и безопасности для всех народов, живущих на древней палестинской земле.

Авторы настоящего сборника не только поэты, но и активные участники борьбы за национальные права и социальный прогресс. Их творчество обращено ко всем честным и справедливым людям на земном шаре. Оно пользуется заслуженным признанием в арабском мире и за его пределами.

Муин БСИСУ,

КАТАПУЛЬТЫ

Родина!
Тебя нет со мною.
Лоб мой —
точильный камень:
мерно скользят ножи.
Слезы иссякли,
веки залеплены мглою,
И слова утешения
мне не нужны.
Бьют катапульти
каменьями
по ребрам,
по пальцам.
Бьют катапульти
каменьями
по строкам,
по рифмам.
Дом колыбели моей
на осколки распался.
Стал я бездомным
сгорающим
метеоритом.
Бьют катапульти
каменьями
в сердце и почки.
Бьют катапульти
каменьями
в рифмы
и строки.
Камни —
проклятые письма

дьявольской почты — .
точно приходят,
без опозданий,
в сроки.
Бьют катапульти
по детству,
по апельсиновым кущам,
по щекам матерей
с непрочитанной
вязью морщин,
по глазам
наших девушек —
перепуганным,
ждушим,
по сутулым плечам,
по костлявым плечам мужчин.
Бьют катапульти.
В цель попадают
камни.
Бьют катапульти
с древних времен,
веками.
Бьют катапульти.
Бьют.
И все же —
я жив,
и гневная песня
в жилах моих
бежит!

ВЕСЬМА СОЖАЛЕЮ, МАДАМ

Весьма сожалею, мадам,
но вы опоздали —
вы прибыли в нашу страну,
когда уже продано все.

Недавно старуха туристка
купила — задешево! — гроб Саладина.
Недавно сады Вавилона
пошли с молотка.

Не проданы лишь пирамиды —
слишком тяжелые камни —

да сфинкс —
он весь изрешечен,
изранен,
и если расстанется с этой землей,
то умрет.

Мадам, сожалею,
но продано все:
саркофаги,
папирусы,
перстни — с пальцами вместе, —
отсеченные руки поэтов
и прочая мелочь.

Продано все.
Остался лишь бог;
он бежит,
нагоняемый псами,
затравленный,
словно газель,
бедняк,
заарканенный ложью.

Его мы поймаем
для вас.
Хотите, мадам?

Платите.
Кто родину продал,
продаст вам и бога.

ЧЕРНИЛЬНИЦА

На кораблях,
лежащих в доках,
на бороздящих океаны —
езде
развешаны приказы,
езде
расклеены фирманы.
И многоцветные чернила
увековечивают фразы.
Везде
расклеены фирманы,
езде

развешаны приказы,
О директивы,
указанья,
распоряженья
и запреты
для облаков
и для созвездий,
для четырех
ветров планеты!
Для капитанов
и матросов,
для мудрецов
и дураков
отныне
черные чернила
нужнее
белых облаков.
Бумага важная
с печатью
укажет
самый верный путь.
Теперь чернильница
сложнее,
чем человеческая
суть.
Теперь чернильница
в почете —
блестит
начищенная медь,
и только перьям,
а не мачтам
теперь положено
скрипеть.
На рыбьих спинах,
на ракушках,
на осьминогах
и кораллах —
езде следы
чернильных пятен,
и фиолетовых,
и алых.
И паруса
висят, как тряпки,
и приуныли капитаны.
Везде

развешаны приказы.
Везде
расклеены фирманы,
И вся
поверхность океана,
и глубина,
и даже дно
покрыты
белыми листами:
«Запрещено!»
«Запрещено!»

ОГНИ СВЕТОФОРА

Красный свет — стоп!
Зеленый — иди!
Красный,
раскаленный...
Зеленый,
безопасный...
Зеленый...
Красный...
Зеленый...
Красный...
Стоп —
огненный сноп!
Иди —
кошачий глаз впереди!
Стоп —
и по сердцу озноб.
Иди —
и холод в груди.
Мальчик родился —
в автомобиле.
Насмерть разбился —
в автомобиле.
Как мы летели
в автомобиле!
Как мы любили
в автомобиле!
Словно в постели —
в автомобиле!
Словно в могиле —

в автомобиле!
Красный — стоп,
и по сердцу озноб.
Зеленый — иди,
и холод в груди.
Кровь на асфальте
пятнами краски...
Кровь на губах
волною соленой...
Красный...
Зеленый...
Красный...
Зеленый...
Красный...
Зеленый...

НОЧНАЯ РЕКА

Река из колец и перстней,
река отрубленных пальцев,
выколотых очей.

На небе луна дымится,
словно грудь молодая,
отрезанная ножом.

Поэты стоят и смотрят,
и ждут — народ терпеливый! —
когда спуют соловьи.

Садись на коня живее,
упрячь свое сердце в торбу.
Заткнулся наш соловей!

Молчит. Задешево куплен.
Тебе остается перстень —
на память — из той реки.

Возьми перстенок, цыганка.
Наври от самого сердца.
Придумай завтрашний день.

Тебе подарю сережки,
и зеркальце, и поэму,
и полный крови гранат.

А ты мне сулишь дорогу...
Звенят и дрожат браслеты
на смуглых твоих ногах.

Куда я пойду? Сегодня,
наверно, уж поздно. Завтра?
До завтра нужно дожиться.

Ножом висит полумесяц
над горлом. А полнолуние —
не что иное, как смерть.

И розы горят, как свечи,
и все зеркала разбиты.
Мертвеют мои глаза.

Присядь к очагу, цыганка.
Река отрубленных пальцев
плывет сквозь тебя всю ночь.

Раскрой мертвецам ладони,
гадай, нагадай им счастье,
любовь и долгую жизнь.

Не надо. Закрой им лица
кленовым листом. Зеленым.
Молчи. Не гадай. Не плачь.

Затихли рыбешки. Море
их выбросило на берег.
Подергались — и конец.

Что будет? Цветы над гробом.
Глаза покраснеют, плечи
закутаны будут в реп.

Где перстень мой? Продан, брошен,
лежит под чужой подушкой,
блестит на чужой руке.
Уносит меня, уносит
река отрубленных пальцев,
выколотых очей...

ПЛЕННИК ДВУХ КРЫЛЬЕВ

В небо взлетаю.
В небо.
В небо моей любви.
Зов бури командует сердцем.
Внизу оставляю
лепет любовный
воркующего голубка,
оставляю в бессонных
ветвях
рвущие душу рыдания.
В открытые окна моей любви
врывается голос жизни.
За занавеской
луна,
вывалянная в грязи.
Чаша детства
с привкусом старости...
Мы пили, пили
взахлеб,
пока не сказали себе:
рот становится
раной...
Любимая, слышишь?
Между нами разлука —
кровавая речка.
Я пленник двух крыльев:
тебя и свободы.
Как вы далеко!
На призрачных берегах!
Как близко —
в душе!
Вы мне дороги обе,
как матери дороги
близнецы.
Неба крылами
касаюсь.
Неба
нашей любви.

ДОРОГАЯ, НЕ СПИ!

1 .

В час паденья багровой луны
на зеленые копыя растений
умирают легенды и сны,
превращаясь в тончайшие тени.
Дорогая, не спи, а не то
нас они увлекут в свои сети.
Наша рана и боль, как цветок,
чей расцвет на заре, на рассвете.

2

Это день. Это тени в разгоне.
Две дарящие радость ладони
подхватили, как вихри, меня.
Сердце крыльями бабочки тронет
древ гранатовых светоч в погоне
за оранжевой вспышкой огня.
Просыпайся, родная, себя окуная
в золотое сияние дня.

3

И роза выпала из рук моих дрожащих.
В ней сердце навсегда устало биться.
«Не спи,— любимой говорю все чаще,—
не то самоубийством кончат птицы,
колосьев слипнутся ресницы.
Им аромат ночей не пить.
И оборвут судьбы невидимые спицы
меж ними шелковую нить».
Не спи, любимая, ответь.
Твой голос мягче лунных линий,
крыла орла на лире звонкой,
масличной ветви на чужбине,
слезами шелестящей тонко.
Когда луна на копыя рухнет
высоких яростных растений
и свет в ее очах потухнет
и скроют нас от взглядов тени,

начнется поединок смелый
сердец, в любви кровотокащих...
В траве луны нагое тело
и вспышки душ во мраке чащи.

МАТЕРИ

1

Горю! Сердце взято в тиски.
Горю! Из пожара тоски
к тебе, словно лотос, тянусь,
из пожара тоски —
к ласке твоей руки.
Больнее всех убивает грусть.
Где скрыться душе от ее погони?
Страшно ей в клетке грудной
одной
за реберной стенкой тонкой.
Я ранен каменной тишиной
в сердце, открытое, как у ребенка.
Как больно горем его обожгло!
Что поделаю, бедное?
Но взмахнуло над сердцем крыло
материнское, белое.

2

По небу
катится слеза.
Пронизаны звезды печалью.
Если вернусь, то свои глаза
мною согрей, как шалью.
Кости мои травой
накрой.
Травой, крещенной
в купели
твоих шагов.
В земле сырой
они, как в колыбели.
Свободны, без оков...
Лежу, упал
у твоего порога.
Не плачь, спрячь за улыбкой грусть.

Быть может,
я стану богом,
когда губами
души твоей коснусь.

3

Если вернусь, мной
растопи очаг.
Ветер по сердцу, —
как бритва.
Пустыню и мрак
носил бы в очах,
в крошечных ночах
душой бы зачах,
если бы не твоя молитва.
Я поседел,
я смерть пережил,
словно последнюю песню сложил
мой соловей.
Звезды детства
верни и свей
гнездо для меня
на одной из ветвей,
чтоб смог я
с птенцами родных кровей
по праву брата
на путь возврата
взлететь из гнезда
надежды твоей.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

О любимая, в сердце
вонзились твои глаза.
Я без боли о них вспоминать не могу.
В них и гнев, и тоска, и гроза
Отразились. Но я эту боль берегу.
Эту тысячезвездную рану.
Ибо тернии сердцу сегодня нужней,
Чем виноградные кущи.
Эта боль — продолженье любви моей,
Мост от нынешних дней к грядущим.

Как забуду глаза твои — светлые дни
Детских лет, когда вместе росли мы!
И тогда уже мною любимы
Глаз твоих были огни.
И словам твоим
Первой песней моей суждено было стать.
Я хочу ее спеть опять.
Но жестоко и грубо
Обжигает изгнания мороз мои губы.

Даже птицы, и те
Улетели от нами покинутых стен.
Зеркала раскололись, по свободе печальную тризну
Справляя. И, песен родных подбирая осколки,
Мы ценить научились отчизну.

Наших песен читаем слова
На разбитых, пробитых свинцом гитарах,
И мелодии наши творим
На рыдающих кровлях.
О любимая, наша любовь жива.
Пусть мой голос надломлен,
Но ты его слышишь,
Стал он глуше — не тише.

А я вижу тебя
Бегущей по травам колючим,
Юной пастушкой домашнего стада
Рядом с домом, который теперь
Превратился в руины.
Пеплом стала заветная дверь.
И я вижу тебя сегодняшней,
В очередях у иссохших колодцев,
Судомойкой в ночных кафе,
На лохмотьях спящей в палатке.
И я вижу тебя у сиротских костров,
Вспоминающей сладкий
Дым родных очагов.
Но куда бы нога твоя ни ступала,
Я уверен, собою останешься ты
И в изгнание и в горе,
Как собою останется солнце,
Как собою останется море,
Как собой остается прекрасная наша земля..

Я клянусь
На платке, что в прощальный час
Мне подарен тобою,
И клянусь я ресниц твоих чернотой,

Я клянусь,
Что навек Палестина
Останется нашей судьбою.
Палестинкой останешься ты
Под набатной луной.
Мы пронзим коченеющий воздух
Новыми песнями,
бросим новые зерна в иссохшую почву,
кровью своей оросив
плоть и душу ограбленных нив.
Пусть пройдут еще долгие годы —
будут щедрыми всходы.

Палестинское имя твоё.
Палестинский взор у тебя.
Палестинское тело твоё.
Палестинский узор одежды.
Палестина — твоя надежда.
Палестина — твой голос.
Палестина — твоя женская гордость.
Палестинкою ты живешь.
Палестинкою ты умрешь.

О любимая, ты — суть и смысл моих книг
И огонь моих песен.
Ты заполнила жизни моей каждый миг.
Без тебя этот мир и бесцветен и пресен.
Ты единственный мной сотворенный кумир,
Ибо ты и отчизна в душе моей неразделимы,
Как единое целое сердцем любимы.

ДОПРОС

Записывайте:
Я араб.
Мой регистрационный номер
Пятидесятитысячный.
У меня восемь детей.

Летом девятый появится.

Что вам не нравится?

Записывайте:

Я араб

Работаю каменотесом.

Рублю камень,

Чтоб заработать на хлеб,

Чтоб заработать на книги

Для своих восьми детей.

Но я подачек не прошу,

Сам с нуждою сумею справиться.

Что вам не нравится?

Записывайте:

Я араб

Я для вас — безымянный номер.

Я не сломлен бешенством вашим.

Корни мои уходят глубоко,

В глубь веков.

Я сын пахаря, и плуг

Был мне в юности первый друг.

Я живу в хижине из веток и тростника...

Волосы мои черны, как смоль.

Глаза черны, как боль.

Моя арабская шевелюра

Не поддается никакому гребню:

Я предпочитаю способ древний —

Оливковое масло и тимьян.

И еще отметьте один мой изъян.

Прежде всего

Ненависти я ни к кому не питаю,

Не граблю никого,

Даже когда голодаю.

Но если вы отнимаете

Последнее, что у меня есть, —

Свободу и честь,

Тогда берегитесь:

Нет ничего

Страшнее голода моего,

Страшней моей ярости,

С ней вам не справиться.

Что вам не нравится?!

ВКУС МГНОВЕНЬЯ

Как темно за окном,
Как темно.
Только падает, падает снег.
Осыпается чей-то смех.
Тихо в комнате.
Свет и тепло.
Белой лампы уют и покой.
Таает свет меж усталых век.
Так и жить бы за веком век.
Синий снег шелестит над Москвой.

МОЛЧАЩЕМУ ФИЛОСОФУ

Они пришли вчера.
Их было трое.
Отца убили.
Надругались над сестрою.
А ты? А ты молчишь.

Они пришли сегодня.
Сохла глина
На сапогах.
Арестовали сына.
А ты? А ты молчишь.

Они еще вернутся
Завтра снова.
А ты? Ну что же ты?
Скажи хоть слово!
Но ты молчишь.

ГОРЕ СТАНОВИТСЯ ХЛЕБОМ НАСУЩНЫМ

Каждый день
На страницах газет
Привычные черные рамки,
Черные, словно бездна:

Убитых пятеро, двадцать раненых,
Трое пропавших без вести.
Каждую ночь
Не смолкает гомон,
Не может заснуть город,
Зияющий черной зевотой,
Глохнет от грохота батарей.
Свадьбы, разводы...
Смерть затаилась в строчках четких,
В барах
Портреты со стен
Смотрят на эти дни черные,
Кружит над городом тень.
Строчки от боли корчатся,
Черные, словно кровь.
Когда же всё это кончится?
Какими редкими стали на родине
Чистое небо,
Смех и любовь!

ВИДЕНИЕ

Которую ночь
Я не сплю. Я один.
Которую ночь
Перед мысленным взором
Проходит живая череда картин:
Радостей дни,
Ночи позора.
Руины, руины
Горят за спиной.
Меж прошлым и будущим
Мост взорван.

Которую ночь
В полутемном углу
Страх шевелится.
За окнами ветер
Бормочет, бормочет...
Сквозь влажную мглу
Белое яблоко тихо светит.
Я выйду во двор,
В этот горестный мир,
Пронизанный запахом

Терпким и нежным,
Где стоном и смехом,
Слезой и надеждой
Наполнен каждый трепещущий миг.

ДЕНЬ МОЕГО НАРОДА

Земля моя, земля моя нагая!
На бледном небе алая заря,
Как кровь, сочится.
Пепел и зола.
Земля моя пылает под ногами.
Но верю, знаю,
Этот день придет,
Когда в лучах торжественных восхода
Растает тень,
Желанную свободу
Народ многострадальный обретет.

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ЛИРИКИ

Как я смогу узреть твое лицо?
Мои глаза давно от слез ослепли.
Как я смогу воспеть твое лицо?
Кровоточит гортань и губы — в пепле.

УВИДИМСЯ ЛИ СНОВА?

Любимая, любимая, тоскую.
С усталых губ
Одно лишь только слово
На землю падает сухую:
Жива ли ты?
Увидимся ли снова?
Любимая, любимая, тоскую.
Наверно, так солдат грустит о доме,
Роняя изредка слезу скупую.
Дорогой незнакомою ведомый,
Я спотыкаюсь,
Каждый шаг мой скован.

Холодный воздух давит мне на плечи.
Жива ли ты?
Увидимся ли снова?
Вернусь —
Арестом обернется встреча...

ТОСКА ПО РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Лиловый плод ветвей твоих, олива,
Подкошенный сухим горячим ветром,
О разве я сумею быть счастливым,
Оторванный от милой ветки?

В скитаньях долгих утомились ноги —
Корней своих лишенные деревья.
О как мне на чужбине одиноко,
Далекая моя деревня!

В твоих садах уже созрели сливы,
А над холмами стелются туманы...
О разве я сумею быть счастливым,
Забыв благоухание тимьяна?

Смогу ли вновь воды твоей напиться,
Родник, неудержимый, как рыданье?
А сердце рвется перелетной птицей
К тебе, земля моя родная!

И если здесь когда-нибудь умру я,
В земле, чужой мне, не хочу лежать я.
О положите на траву родную
Мой скорбный прах, друзья мои и братья!

Тауфик ЗАЙЯД

ВЕТРЫ С ВОСТОКА

Это не ветры приходят с востока —
Чистые слезы!
Возгласы близких несут издалека.
На землю роняют.
Голые крики их, полные горя,

Звучат так жестоко,
Весь горизонт от края до края
Собой наполняют.
Горечь долины, ныне пустынной,
Кровь и неволя хлещут в лицо мне,
Душу и тело болью пронзают.
Росные розы, ранние грезы —
Вы так далеко...
Это не ветры приходят с востока —
Чистые слезы!

Я ЖМУ ВАШИ РУКИ

Я вас призываю!
Я жму ваши руки!
Я землю целую у вас под ногами.
Для вас я пожертвую жизнью и смертью.
И сердца тепло отдаю вам! Поверьте,
что горе, которое переживаю,
все долгое время нашей разлуки, —
вашего горя частица живая!
Я вас призываю!
Я жму ваши руки!
Я дрался на родине, руки не прятал!
Стоял я — босой, нагой, одинокий —
и твердо смотрел в глаза супостата.
И кровь мою руку к земле тянула.
Но флаг не спустил я под вражеским дулом,
и зелень могил товарищей павших
свежа в моей памяти в годы разлуки.
Я вас призываю!
Я жму ваши руки!

ХОТЯ БЫ ЗУБАМИ!

Я своими зубами
готов защищать
земли моей нежной каждую пядь,
своими зубами!
Я другой не желаю —
во веки веков!
Мои вены возьмите себе для оков —
не смирюсь перед вами!

Я остался в плену
у любви лишь одной —
к дому нашему за каменной стеной,
к белым лилиям, кротко склонившим головки,
над их головами...

Я остался живой!
Вам не сладить со мной
никакими крестами!
Я остался... Зубами
готов защищать
моей родины милой каждую пядь,
хотя бы зубами!

МОСТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Дорогие мои! Я своими ресницами
Выстелю вашу дорогу домой,
Своими ресницами!
Дайте грудью прижаться мне
К вашей ране живой —
Воронью не напиться в ней!
Чтобы мягче вам было идти,
Я шипы уберу с пути
Своими руками.
Я вам мост возведу,
Своим телом паду
Над двумя берегами!

ГОРЬКИЙ САХАР

Ты ответь мне...
Я к ране твоей,
переполненной солью, взываю.
Моя Палестина!
Припадаю, кричу:
— Раствори меня в ней,
одного из бездомных твоих сыновей,
мою юность и боль раствори ты
и слей воедино!
Я ведь сын твой, ты знаешь...
К тебе я пришел
разделить материнское горе —
для сына превыше награды.
Изнывая от страсти,

с приставленным к горлу ножом,
я живу.
И в оливковых рощах не знаю прохлады...
Пусть зеленым дыханием
полнится эта свирель,
моя песня — опора
для черной палатки в пустыне.
Шумен танец ливанский,
тонка палестинская трель,
сохнет пыль на другом берегу,
и дорога вздыхает о сыне.

Самих аль-КАСЕМ

Моя страна

О, моя страна, ты качаешься, как сережка, —
вот-вот сорвешься! —
в ухе земного шара.
Твои широкие бедра — ты много рожала —
ласкают запросто
все ветры Запада.

Ты — весло лодки, накренившейся сильно.
Ты — блудная мать блудного сына.
Наступит ли время, придет ли пора такая,
когда ты станешь страной, как любая другая?

РАССКАЗ О ГОРОДЕ

Жил-был однажды город голубой,
Мечтавший, что незнакомцы его посетят,
Займутся бездельем и гульбой,
Проматывая все с головы до пят.

...Живет черный город, пришельцам не веря,
Презирая их, фланирующих у кабаков,
С руками, длинными от револьвера,
С пальцами, сведенными судорогой курков...

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Сплету венок любимому из маков полевых,
пусть поле, словно решето, — все в дырках пулевых.

Я сделаю свирель ему из тростника долины,
хотя солдаты учатся в долинах ставить мины.

Полакомиться будет рад любимый гроздью лучшей,
но окружили виноград оградой колючей.

И я любимого молю, чтоб он задуть светильник
они продлили смерть мою еще на новый срок. смог, —

Я ИДУ ИЗ СОНГМИ

Я иду из Сонгми.
Любимая, прости меня.
Ледяные губы мои прими.
Сто семьдесят три парня из Сонгми
никогда любимых не поцелуют
со вчерашнего дня...
Любимая, прости меня!

Я иду из Сонгми.
Моя милая мама, прости меня.
С пустыми руками прими.
Я принести тебе не смог
черный простой платок
или на платье материал...
Сто пятьдесят семь мужчин из Сонгми
никогда ничего не принесут матерям
со вчерашнего дня...
Мама, прости меня!

Я иду из Сонгми.
Дети друзей, простите меня.
Я не принесу вам в подарок кукол.
Пятьдесят семь детей из Сонгми
никогда не будут в лоскутки
кукол кутать,
не увидят кукол со вчерашнего дня...
Дети друзей, простите меня!

Я иду из Сонгми.
Прости меня, моя страна.
Стучат мои сапоги.
Я тебе не принес букета цветов.
Я иду из Сонгми.
Прости одного из твоих сынов.
Ты ведь знаешь все цветы Сонгми.
Ты знаешь... Цветы... Сонгми.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРОКА В ПОЭМЕ

По лестнице шаткой идут за мной...
Я слышу: шагов перестук гулок
И вижу у каждого адрес мой
в кармане... И пистолетное дуло!
Поднялся...
Шепот...
Второй идет, сгибает палец
и в дверь мою бьет,
как в темя!..

.

Будь проклят нарушивший тишину,
о ты, что виденье мое спугнул
с последней строки в поэме!

Фадва ТУКАН

ПЯТЬ ПЕСЕН ДЛЯ ПАРТИЗАН

Как рождается завтра

Ветер разносит пыльцу
по земному лицу.
По ночам
в ужасных и сладких
бьется земля в родовых схватках.
Юное наше завтра!
Скажи всему,
что злобно и затхло,
о родовых схватках земли,

о том, как в крови и в пыли,
из горечи, ран и боли
рождается то, что станет тобою.

Как рождается песня

Сначала сердце горькое твое,
как дар бесценный, нам дает ее.
Замешены на мраке строки эти
на вере и любви, всеильном свете,
Придав ей силу кремня,
твердость скал,
чтоб каждый звук опорой сердцу стал,
опять мы отдаем ее тебе,
о мой народ, что победит в борьбе!

Когда приходят дурные вести

Струится дым из пещер во тьму.
Струятся утесы и камни в дыму.
Они от черного пепла черны.
Они, как люди, омрачены.
Утесы и камни... Что нам до них?
Струится черной змеей родник.
Все ищет пути.
Все жаждет пути.

И нам пора,
нам пора идти.
За поворотом дороги растает
дымная тень.
Новый день непременно настанет,
новый день.

Возлюбивший свою смерть

В улыбке утра я вижу: моя птица
в вихре ветра со мной над землей мчится,
и то ли случайно из рук моих выпадает,
то ли меня намеренно покидает,
роняет меня, а сама улетает вперед,
в объятия скал, к обрыву, чье имя восход.
Я вижу, как мою птицу — она жива! —
подхватывают два шелковых рукава.
Ах, слишком рано оставила ты меня
с лицом, еще не забывшим голод огня,

с сердцем, еще не остывшим от пыла боя,
еще готовым лететь над землей с тобою!
Любимый сын, возвращен я родным местам,
Как меня ждали и как жалели там!
Старый коралл,
под твоею багряной тенью
смерть свою возлюбил,
словно солнечный день я.
Я смерть свою возлюбил, —
прочтешь об этом в душе ты, —
когда жертвы были нужны,
добровольные жертвы.

Мне довольно и этого

Мне и того довольно, что умру
я на родной земле и поутру,
когда я в ней растаю, с ней сольюсь,
родит такой оправданный союз
пожар цветов и сочную траву,
а это значит — я опять живу!
Ко мне,
чтобы тепло припомнил рук,
рука ребенка прикоснется вдруг.
Мне и того довольно, что — живой,
стал родины цветами и травой.

БЛОКАДА

Но ночам, в начале старой сказки,
что в разладе с истиной дневной,
отдыхая от привычной маски,
ты, мое лицо, опять со мной.
Ты омыто древнею печалью
и свободно от ужимок дня.
Точка. Распечатаны печати,
и расколот мир внутри меня.
Не на что мне больше опереться.
Он предел, тупик, пустыня, дно.
Неужели здесь играло детство,
на песке, где так теперь темно?
В произвольном приговоре рока
темного бессилья торжество.

Я слаба. Ни одного упрека.
А защитник? Тоже нет его.

О, сердце, ты этот ад терпишь покорно.
Смятая ветром ветвь,
лодка, разбитая в щепки,
чей парус порван,—
где твоя гавань, ответь?
Гавань, где твоя лодка? Лишь на причале
кольшек жалкий ждет, пока ветер злится.
Каждую ночь из плена выходят печали,
и обнажает истина наши лица.
Где же рука, которая вынырнет
из лжи ночной, дневной, любой,
все, что утоплено, сковано, вырвет
у омута, названного судьбой,
освободит своей силой теплой
навек от этой блокады темной?

ЧУМА

В тот день, когда скрутила нас чума,
я за спиной оставила дома
и, выйдя на простор, открыла грудь
ветрам и небесам,— о будь что будь!
Услышьте, ветры! Небо, пожалей! —
взмолилась я из глубины печали.
Природа, дождь живительный пролей
на город, породнившийся с ночами.
Чтобы отмыть деревья, и дома,
и все к нему и от него пути,
и все, что он, и все, что я сама,
пускай пойдут
дожди,
дожди,
дожди!

ПЕЧАЛЬНЫЙ МОЙ ГОРОД

В тот день,
когда черной подлости дух воскрес,
прилив отступил
и закрылись глаза небес.

В тот день,

когда мы узнали смерть и горе,
перехватило дыхание у города в горле.
Отступила вода, обнажив безобразие русел.
Уступила тогда в каждом сердце надежда
грусти.

И в агонии горя
задохнулся печальный мой город.

Спрятались дети и песни —
не до песен и не до смеха!
Пусто в моем городе:
ни тени, ни смеха.
Тишина в моем городе,
непроглядная, словно ночь,
словно горы,
словно горе,
которого не превозмочь.
О печальный мой город,
я пустоту вопрошаю...
О печальный мой город,
Неужели сгорят
в этот час урожая
и зерно и плоды?..

СВОБОДА

Свободу — народу!
Свободу — мне!
Свободу — моей стране!
Голосом гневным, суровым
я буду эти слова повторять,
в огне, под пулями, позабыв про оковы,
розовым днем и ночью лиловой
буду кричать опять и опять:
— Свободу — народу!
Свободу — мне!
Свободу моей стране!
Мне вторят мосты
над священной рекой:
— Свободу!
Два берега повторяют с тоской:
— Свободу!
Порывы ветра,

ливень и гром,
и каждая ветка,
и все кругом,
томимые болью одной,
повторяют вместе со мной:

— Свободу! Свободу! Свободу!

Я высеку имя ее на дорогах среди полей,
на стенах, дверях и крышах, подобно святой

молитве,

на каждом малом клочке печальной земли моей,
на алтаре девы Марии,
на тюрьме, на камере пыток, на столбе виселицы,
на граните широких проспектов и улиц небольшой
я буду его высекать, пока не увижу: выйдется
оно по всей моей родине над каждой живой душой!
И каждая пядь земли закричит:

— Свободу!

И все, что вблизи и вдали, закричит

— Свободу!

В панике ночь

кинется прочь,

утро забрезжит в окне...

Чтоб это утро пришло скорей,

клич неумолчный, рей:

— Свободу — народу!

Свободу — мне!

Свободу моей стране!

И вторят мосты над священной рекой!

— Свободу!

И берега повторяют с тоской:

— Свободу!

Порывы ветра,

ливень и гром,

и каждый камень,

и каждый дом

одержимы надеждой одной,

повторяют вместе со мной:

— Свободу! Свободу! Свободу!

СОДЕРЖАНИЕ

Муин БСИСУ

Переводы Михаила Курганцева

Катапульти	3
Весьма сожалею, мадам	4
Чернильница	5
Огни светофора	7
Ночная река	8

Махмуд ДЕРВИШ

Переводы Георгия Ашкинадзе

Пленник двух крыльев	10
Дорогая, не спи	11
Матери	12

Переводы Станислава Золотцева

Влюбленный из Палестины	13
Допрос	15

Салем ДЖЕБРАН

Переводы Нины Габриэлян

Вкус мгновенья	17
Молчащему философу	17
Горе становится хлебом насущным	17
Видение	18
День моего народа	19
Не время для лирики	19
Увидимся ли снова?	19
Тоска по родной деревне	20

Тауфик ЗАЙЯД

Переводы Игоря Ермакова

Ветры с востока	20
Я жму ваши руки	21
Хотя бы зубами!	21
Мост возвращения	22
Горький сахар	22

Самих аль-КАСЕМ

Переводы Инны Кашежевой

Моя страна	23
Рассказ о городе	23
Старая песня	24
Я иду из Сонгми	24
Последняя строка в поэме	25

Фадва ТУКАН

Переводы Риммы Казаковой

Пять песен для партизан	25
Блокада	27
Чума	28
Печальный мой город	28
Свобода	29

МОСТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Стихи современных поэтов Палестины

Редактор М. М. Жигалова.

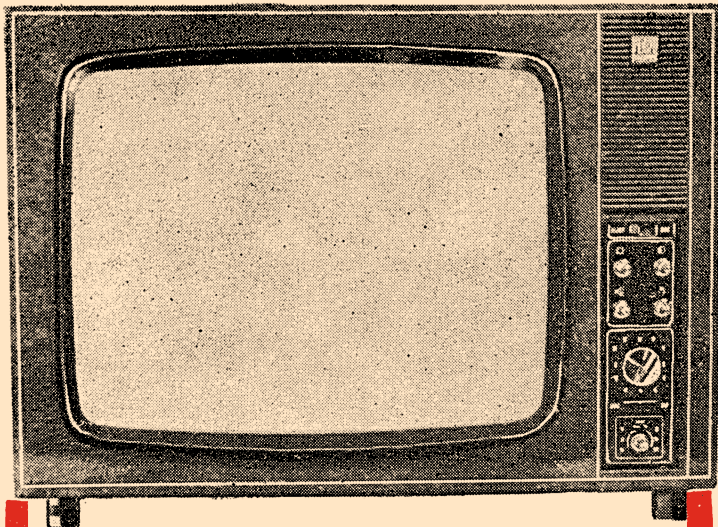
Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 25.04.78. Подписано к печати 12.07.78. А 01199.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Ново-
газетная». Высокая печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,66.
Тираж 100 000. Изд. № 1776. Зак. № 2188. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

«РЕКОРД-338»

Рекорд популярности, рекорд качества, рекорд надежности — столько рекордов завоевали телевизоры марки «Рекорд» Александровского радиозавода.

Лучшие качества своих предшественников вобрал в себя «РЕКОРД-338». Вы, безусловно, оцените четкое и контрастное изображение, удобное и простое управление, безотказную службу «РЕКОРДА-338».

Размер экрана телевизора — 50 см по диагонали.

ЦКРО «ОРБИТА».